

Родительское проклятіе.

Крестянинъ Василій Ивановичъ Каргинъ былъ человѣкъ тяжелый, негостепріимный, скупой. Имѣлъ онъ единственнаго сына, Ивана Васильевича, но не баловаль его, а ужъ очень круто поступалъ съ нимъ, требоваль отъ него непрекословнаго исполненія своей воли. Пока Иванъ Васильевичъ былъ ребенкомъ, а потомъ и подросткомъ, то слушался своего отца, не тяготясь его требованіями и распоряженіями. А потомъ, когда жинился, взявши себѣ жену гордую и бойкую, то, подѣ влияніемъ ея, не сталъ слушаться отца, какъ тому хотѣлось. Отъ этого пошли между отцомъ и сыномъ пререканія. Отець ругаль сына и даже билъ его. Сынъ его хотя и не былъ дурного поведенія, однако иногда позволяль себѣ выходить изъ обычной колеи, въ праздники напивался, дрался на кулачкахъ и курилъ трубку. Послѣднее занятіе сына особенно возмущало Василія Ивановича, который видѣль въ этомъ такую скверность и зло, отъ чего сынъ долженъ былъ погибнуть, загубить свою душу и сгорѣть на томъ свѣтѣ въ гееннѣ огненной. Съ трубокурениемъ сынъ отъ отца сначала прятался, а потомъ, когда отецъ засталъ его на этомъ дѣлѣ и предаль его анаѣмъ, то сталъ курить явно. Проклятіе отца подѣйствовало на сына обратно. Онъ возмутился такимъ проклятіемъ и сталъ думать, что отецъ дѣйствуетъ не по разуму и не по Божьи, а потому и анаѣема его недѣйствительна. Велико-ли дѣло куреніе табака! Кто нынѣ не курить? Эка важность! да и старики-то нынѣшніе изъ ума выживають... Не даромъ стали гнать ихъ со сходовъ! Такъ думаль Иванъ Васильевичъ.

Но Василій Ивановичъ думаль иначе. За этотъ поступокъ сына отецъ не зналь какъ и обозвать его: „будь ты анаѣема—проклять“, кричалъ онъ въ возбужденномъ состояніи, „чтобы провалиться тебѣ сквозь землю, окаянному“. Сынъ только слушалъ отца, не возражая ему, но продолжалъ курить.

Состояніе Василія Ивановича было достаточное. (Онъ имѣль

три лошади, двѣ коровы, нѣсколько штукъ овецъ и свиней, десятка два куръ, мѣшковъ сорокъ разнаго хлѣба, достаточно сѣна и соломы). Все это онъ пріобрѣлъ усиленнымъ трудомъ, при участіи сына, крайней бережливостью, скопидомствомъ, скупостью. Скупъ онъ былъ до крайности. Нищимъ онъ никогда не подавалъ. Да они и боялись подойти ко двору его, потому что онъ держалъ большихъ злыхъ собакъ. Люди добрые также не ходили къ нему, и самъ онъ мало посѣщалъ ихъ. Въ церковь онъ ходилъ, но причтъ принимать къ себѣ избѣгалъ,—поэтому молебны у него служились рѣдко.

Съ женой своей, не смотря на скопидомство и другіе недостатки своего характера, онъ жилъ ладно. Не слышно было, что бы онъ ссорился съ нею и бранился. Быть можетъ, это происходило отъ того, что жена у него была тихая, переносливая, во всемъ подчинявшаяся своему мужу. Хотя и не нравилось ей, что отецъ такъ грубо обходился съ сыномъ, бранилъ его, но она успокаивала себя тѣмъ, что сынъ ея самъ виноватъ: курить табакъ, оскверняетъ свою душу, не слушаетъ отца. Жаль было сына, но дѣлать нечего,—нужно покоряться.

Какъ вообще люди сильные не дорожатъ ни силой своей, ни здоровьемъ, такъ Иванъ Васильевичъ, будучи человѣкомъ очень сильнымъ, не дорожилъ собой. Не рѣдки были случаи, когда онъ боролся съ подобными себѣ по силѣ и рослости, тянулся на палкахъ и выходилъ на поединокъ, на кулачки. Рѣдко кто побѣждалъ его,—и этимъ онъ гордился. Но эти похождения отцу его не нравились, и онъ часто бранилъ его, хотя при этомъ не подвергалъ его анафемѣ.

Случилось это во вторникъ, на масляницу. Въ сосѣднемъ селѣ, въ десяти верстахъ отъ жительства Каргиныхъ, былъ базаръ, гдѣ главнымъ предметомъ торговали въ это время былъ привозъ рыбы, пойманной въ мѣстныхъ рѣкахъ. Продавались и другіе предметы, но на нихъ обращалось меньше вниманія. Въ этотъ день сюда стекалось много народа, для кулачныхъ боевъ.

Начинались они ,обыкновенно, часовъ съ 12 дня и продолжались до вечера. Полиція, силившаяся разгонять охотниковъ до любовной драки, ничего не могла сдѣлать и оставалась невольной зрительницей народнаго буйства. На эти бои прибылъ и Иванъ Васильевичъ и началъ драться. Наступая съ одной стороны, онъ наносилъ сильный вредъ другой, однимъ ударомъ кулака сбивалъ съ ногъ выступавшихъ противъ него бойцовъ. Сторона, въ которой Каргинъ принималъ участіе, разгоняла другую, на огорченіе и досаду послѣдней. Но какъ все въ жизни переменчиво, то счастье, наконецъ, измѣнило и Ивану Васильевичу. Въ противной сторонѣ набрались бойцы, равносильные нашему герою. Начались отчаянныя схватки, удары посыпались на Ивана Васильевича. Онъ былъ смятъ, оглушенъ и упалъ навзничъ на снѣгъ. Чуть живымъ подняли его и въ такомъ видѣ привезли къ отцу. Отецъ увидя еле живого сына, только ахнулъ, разведя руками. Онъ началъ было ругаться, предавая сына анафемѣ, но тутъ остановила его жена, говоря— „что ты дѣлаешь? видишь, онъ чуть живъ, какъ-бы не померъ. Чай, грѣшно! нужно скорѣй послать за попомъ, больного причастить нужно, а то душу упустишь!“

Пріѣхали за мной. Я тотчасъ собрался. Пріѣхалъ. Вхожу въ сѣни и вижу тутъ мужчину высокаго роста и красиваго, лежащаго на деревянной койкѣ. Это былъ Иванъ Васильевичъ. „Что ты здѣсь лежишь? Что съ тобой? спросилъ я его.—Мнѣ жарко въ избѣ, потому я сюда вышелъ.—„Если жарко тебѣ, то тутъ только хуже себѣ сдѣлаешь. Ты простудишься здѣсь и умрешь“.

Больного ввели въ избу. Онъ горѣлъ, тяжело дышалъ.

— Отъ чего ты заболѣлъ? спросилъ я.

— Я развѣ знаю, отъ чего... Отвѣчалъ онъ. Навѣрно простудился... все у меня болитъ...

Изъ боязни, чтобы не подвергнуться судебной отвѣтственности родители его скрыли отъ меня настоящую причину его болѣзни.

Я прочиталъ молитвы и сталъ его исповѣдовать.

— Исповѣдовался ли ты когда?

— Никогда, батюшка... Какіе мои еще лѣта?

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Лѣтъ тридцать будетъ...

— И ты думаешь, что это года не великіе? У меня дѣти, ученики училища, исповѣдаются, а ты до сихъ поръ ни разу не исповѣдался. Что тебя отцы не приучали?

— А Богъ ихъ знаетъ... Они и сами-то рѣдко говѣютъ... Я все работалъ...

— Для этого нужно перестать работать. — Дѣло Божье выше человѣческаго. Помилуй только Богъ, можно внезапно умереть, безъ напутствованія св. тайнами. Тогда что скажешь въ оправданіе свое Господу Богу?

— Правда, батюшка... Но меня не заставляли.

Я исповѣдалъ его и причастилъ.

Уходя я посовѣтовалъ свести его въ больницу, го было уже поздно. Въ больницѣ его не приняли. Онъ возвратился домой и черезъ два дня умеръ.

Приходитъ ко мнѣ отецъ его и говорить:—какое горе-то, батюшка! Сынъ-то мой померъ! Одинъ былъ онъ у насъ!

— Да горе дѣйствительно большое. И удивляться нужно, что такой здоровый, крѣпкій мужчина не перенесъ болѣзни! Нужно бы вамъ лѣчить его пораньше!

Я не зналъ, что онъ дрался на кулачкахъ. Узналъ я о томъ спустя много лѣтъ.

— Эхъ, батюшка, развѣ вылѣчишь! одинъ Богъ лѣкаръ!

— А все-таки... не мѣшаетъ и ко врачамъ обращаться... Врачи люди ученые, знаютъ всякія лѣкарства на пользу человѣка. Богъ на то благословляетъ ихъ.

— Я, батюшка, тутъ грѣшу на зебя... Я больно ругалъ сына, проклиналъ его, говорилъ: будь ты анаѰема—проклять! Не слушалъ онъ меня, курилъ, водку пилъ и дрался...

— Не надо-бы тебѣ проклинать его. Это грѣхъ предъ Богомъ, за это отвѣчать будешь. А нужно было-бы останавливать

добрыми словами, увѣщаніями. Быть можетъ, онъ лучше-бы послушался. Вотъ ты не пришелъ ко мнѣ не однажды и не посоветывался.

— Простите, батюшка... Сталь я жалѣть послѣ, да что въ этомъ спустя времени?

— Жаль мнѣ твоего сына!

— Только внученочъ остался! Его, вѣрно, нужно жалѣть!

Старикъ потомъ вздохнулъ и заплакалъ.

— Не плачь! сказалъ я... Лучше молись Богу, чтобы Господь утолилъ твою печаль.

Старикъ зашатался и чуть не упалъ, но я педдержалъ его. Потомъ онъ поклонился мнѣ, сказавъ: „простите, батюшка, Христа ради“ и, цѣпляясь за касяки и перила, потихоньку вышелъ. Слезы ручьями текли изъ его глазъ.

Села Шихань, протоіерей *А. Лунинъ*,

ПОРТЪ-АРТУРЪ ПАЛЪ!!! *)

--Совершилось!

Этотъ скорбный вопль прозвучалъ, наконецъ, съ той Голгофы, крестная смерть на которой длилась „7 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ“,—7 мѣсяцевъ и 20 дней.

—Его больше нѣтъ!

Въ эту страшную годину страданій, скорби и слезъ, сколько матерей въ Россіи, задыхаясь отъ слезъ, произнесли эти слова:

—Его больше нѣтъ!

И вотъ теперь вся Русь, какъ мать, потерявшая сына, произноситъ, такъ же задыхаясь отъ горя и слезъ:

—Его нѣтъ больше!

Онъ былъ пріемнымъ сыномъ.

*) Русск. слово. Статья эта перепечатана въ очень многихъ французскихъ и англійскихъ газетъ.